

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию
Холлер Екатерины Викторовны
«Австрийские фермеры в начале XXI века: традиции и инновационные стратегии»,
представленной на соискание степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология**

Тема диссертационного сочинения, выбранная Е.В. Холлер, актуальна и интересна для современной этнологии/антропологии ввиду укоренившегося (как в научном, так и в бытовом сознании) восприятия крестьян как наиболее традиционного сословия, с одной стороны, и включенности их в глобальные изменения, происходящие на наших глазах в европейских обществах – с другой. Современные антропологические исследования повсеместно делают своим объектом города с их многообразием культур, интерес все чаще направлен на различные децентрализованные сообщества и их (суб)культуры. На этом фоне возвращение к исследованиям, посвященным крестьянству, культуре сельского населения с акцентом на современных процессах и инновационных стратегиях видится перспективным направлением. При этом, употребляя в своем отзыве термины «крестьянин», «крестьянство», замечу, что абсолютно согласна с автором, которая для немецкого понятия Bauer выбрала эквивалент «фермер», а не «крестьянин», поскольку их содержание разное. Так, русское «крестьянин» обозначает как просто сельскохозяйственного работника, так и представителя сословия земледельцев, в то время как немецкое Bauer всегда относилось к определенному типу сельскохозяйственного работника – тому, что имел крупный надел земли и скот в собственности.

Вернемся к сильным сторонам обсуждаемой диссертации. Новаторство сочинения Е.В. Холлер состоит и в обращении к региону Европы, что для нашей страны в силу сложившейся политической ситуации XX в. было и остается редкостью. Безусловной ценностью работы является и то, что она выполнена на основе собственного оригинального полевого материала, до сих пор не представленного в отечественной научной литературе и, таким образом, впервые вводимого автором в научный оборот (не считая уже введенного в публикациях по теме диссертации). Отмечу, что диссертант много лет занимается исследованием австрийских фермеров, имеет многолетний опыт полевых исследований в стране, свободно владеет немецким языком и в нужной мере

обладает социо-культурной компетенцией, что дает основания считать результат диссертационного исследования Е.В. Холлер заслуживающим серьезного обсуждения. Мне приходилось дискутировать с автором некоторые положения ее исследования в рамках международного симпозиума, а также рецензировать текст статьи по теме диссертации. Рада, что большинство высказанных критических замечаний к статье оказалось учтено в представленном к защите тексте диссертации.

Рассмотрим диссертационный текст последовательно, по разделам, стараясь соблюдать максимальную критичность.

Диссертация состоит из Введения, трех Глав, в которых логически выделены более дробные тематические разделы, Заключение и Библиографии. Отдельный интерес представляют Приложения, причем первые три из них – фотоматериал, собранный автором – представляют собой самостоятельный источник по строительной культуре и крестьянскому быту Австрии. Очень жаль, что как источник они не нашли использования в диссертации, а лишь проиллюстрировали изложенный в тексте материал. Тем не менее, приведение фотоиллюстративного материала давно стало принятым и необходимым дополнением этнографического исследования.

Во Введении автор знакомит читателя с географией изучаемых регионов, а также рассуждает о понятиях традиции и аутентичности, задаваясь при этом вопросом о критериях традиционности. Введение содержит все необходимые для диссертационного сочинения пункты, некоторые из них выделены в особые подразделы. В отдельный раздел выделена «Историография и анализ литературы» по теме исследования. В этом разделе Е.В. Холлер фактически называет весь свой исследовательский аппарат, использованный при написании диссертации, в двух-трех строчках характеризуя содержание и тематику трудов да иногда упоминая личное знакомство с автором. Между тем, мне видится, что в разделе Историография принят иной подход к источникам и иной «анализ литературы», а именно критический анализ идей, выделение тех лакун в научном знании по данной теме, заполнить которые призвана настоящая диссертация. Кроме того, ожидалось увидеть не простое перечисление трудов, а некоторое упорядочивание и структурирование знания из привлекаемой литературы с точки зрения содержательного потенциала и релевантности для выбранной темы исследования. Кстати, утверждение, будто «в XX веке, учеными этнографами в немецкоговорящем регионе почти не проводилось комплексного изучения деревень – освещались лишь конкретные обычаи и предметы материальной культуры» (стр.16) не соответствует действительности: в восточногерманской этнографии в 1970-х гг. реализовывался знаменитый комплексный проект именно такой направленности «Magdeburger Börde».

Введение автореферата также соответствует требованиям и содержит все необходимые разделы. Сомнение вызывает формулировка положений диссертации, выносимых на защиту: они поданы не как конкретные результаты (авторские дефиниции, выводы, классификации и т.п.), к которым подведут рассуждения автора в следующем далее тексте, а как отчет о проделанной работе и отдельных шагах исследования (Автореф., стр. 17-18).

Основной текст диссертации имеет четкую структуру и содержит разделы, в которых материал выстраивается логическим образом от прошлого к настоящему исследуемого объекта. Первая глава, представляющая собой экскурс в историю крестьянства изучаемых Штирии и Нижней Австрии, также ясно структурирована, содержит несколько подразделов и полно и всесторонне освещает повседневность и традиционные институты крестьянства изучаемых земель от XV в. до середины XX в., то есть от ранних свидетельств об австрийских крестьянах вплоть до глобальных изменений экономических систем и процесса урбанизации в европейских странах и вызванного ими кризиса сельского хозяйства – иначе говоря, того переломного времени, с которого начался новый отсчет развитию как самой деревни в Европе, так и профессий, связанных с земледелием. Подробно и полно описан институт семьи и распределение ролей в сельскохозяйственных работах. Приведенный Е.В. Холлер материал, безусловно, отличается новизной и интересен для прочтения. Много внимания уделено праздничной обрядности. Однако, в разделе, заявленном как «Праздники, обычаи, обряды» (стр. 45), автор описывает лишь календарную обрядность, вовсе обходя вниманием обряды и праздники жизненного цикла – свадебную, родинную и похоронную обрядность – напрямую связанные с подробно описанным ранее институтом семьи. Кроме того, и этот раздел, написанный, главным образом, на основе статей Н.М. Листовой 1970-80-х гг., производит впечатление реферативного изложения как материала, так и его интерпретаций без собственной (пере)оценки материала, а ведь между тем, с момента написания сборников «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы...» прошло сорок лет. С точки зрения приведенного материала сборники, пожалуй, не утратили своего значения, а вот в интерпретациях календарной обрядности, с позиции сегодняшней европейской науки, данный труд давно устарел. Он был написан в закрытой стране, на основе и ссылок на доступную нашим исследователям литературу начала XX в., в лучшем случае – 1950-60-х гг., которая во многом устарела уже ко времени написания сборников. На мой взгляд, не лишним было бы рассмотреть приведенный материал в общем европейском контексте (или хотя бы общенемецком), частью которого является Австрия. Исключительно дескриптивная манера подачи материала без такого

включения в европейский контекст была бы оправдана, если бы праздники Австрии были уникальны или описывались автором впервые. Не хватает теоретического осмысления автором приводимого материала по календарной обрядности в заявленном ключе (непрерывность традиции, культурная преемственность, консервативность крестьянства и т.п.) для ожидаемых в конце главы выводов, вместо которых Е.В. Холлер отсылает читателя к последующим главам и грядущему анализу изменений и трансформаций крестьянской культуры Австрии (стр. 52).

Вторая глава посвящена современной ситуации крестьян-землевладельцев в изучаемых землях Австрии, и эта ситуация освещена с разных сторон: в дискурсе новой европейской экономики, политическом и экологическом дискурсах. Целый раздел главы посвящен детальному анализу соотношений крестьянской культуры и туризма, крестьянской культуры и феномена фольклоризма. Надо отметить, что процессы коммерциализации и фольклоризации крестьянской культуры, начавшиеся в европейских странах в конце XIX в. и продолжающиеся на наших глазах, будучи изученными уже в 1960-е гг. в немецкоязычной науке, редко получали освещение в отечественных этнографических работах XX в. и только в последнее время становятся предметом исследований. В этом ключе исследование Е.В. Холлер отвечает современным научным тенденциям и может представлять интерес в практическом плане.

Итак, вторая глава освещает современные тенденции и проблемы развития сельского хозяйства и крестьян-собственников изучаемых земель Штирии и Нижней Австрии в условиях жесткой конкуренции с пищевой индустрией и сетевыми супермаркетами, экономических предписаний Евросоюза и вскрывает стратегии лавирования крестьян между консервативным производством и приспособлением к новым вызовам времени. Е.В. Холлер, основываясь на собственных полевых наблюдениях и выдержках из интервью, полно отразила изменения в системе ценностей европейского общества конца XX столетия – утверждение моды на экологичность и здоровый образ жизни, ценность индивидуального в противовес серийному и массовому. Сталкивая официальные документы (законопроекты, правила и принципы субсидирования) с материалами интервью с крестьянами (говорящим субъектом исполнения предписаний ЕС), автору удалось подвергнуть критическому анализу сельскохозяйственную политику Австрии, а также модные в настоящее время экологические веяния, нашедшие отражение применительно к теме исследования в производстве товаров и продуктов с максимальным использованием естественных природных ресурсов. Пожалуй, это первое столь подробное обращение к теме «био» в

отечественной этнологии, и с этой точки зрения диссертационное сочинение Е.В. Холлер обладает практической значимостью: оно может послужить целям ознакомления с опытом европейских стран и возможного его заимствования. С положениями, приведенными в разделах 2.1. и 2.2. нельзя не согласиться, хотя конкретные выводы из материала не прозвучали.

На разделе Второй главы «Экологический туризм и стратегии его развития австрийскими фермерами» мне хотелось бы остановиться подробнее. Здесь диссертант делает попытку обращения к актуальной и плодотворной теме в этнологии, а именно – антропологии туризма. Е.В. Холлер описывает – также на основе оригинального полевого материала – процесс и результат переориентации крестьянских хозяйств от производства продукции на сферу услуг. Много внимания уделено характеристике и описанию отдельных услуг и предложений досуга в крестьянских дворах, а также инноваций и изменений в традиционных старых усадьбах. Сам (крайне обширный и богатый) материал не вызывает сомнений, он подан подробно и очень познавателен, тем более, что в российских диссертациях он еще не встречался, да и вообще крайне редко становится объектом изучения и научного описания в нашей стране. В этом разделе автор анализирует и, наконец, предпринимает попытку интерпретации материала, систематизирует его, в частности, выделяя ряд стратегий, которые применяют изучаемые крестьяне для привлечения потребителей своих услуг и развития этого инновационного направления деятельности. При всей неоспоримости приводимых примеров много вопросов вызывает обозначение автором выделяемых стратегий, создается впечатление некоторой путаницы и нечеткости в систематизации, а порой неправильного словоупотребления в русском языке. Так, на стр. 80 Е.В. Холлер говорит о продуктах, которые одновременно и «являются продуктом потребления», и «составляют стратегию» («Основным продуктом потребления и завлекающим моментом являются, конечно, фермерские продукты, которые и составляют основную стратегию фермеров в развитии экотуризма», стр. 80). Еще более показателен пример со стр. 89: «*Gemütlichkeit* является неотделимой характеристикой «отпуска у фермеров», и параллельно стратегией...». Между тем, понятие «стратегия» означает некие действия, направленные на достижение определенной цели, и потому в русском языке для называния конкретных стратегий требуется употребление отлагательного существительного. В продолжении рассуждения о продуктах упомянутая стратегия получает другое обозначение, а именно - «условное название «оздоровление» (стр. 81), что, хотя и является отлагательным существительным, все же не раскрывает содержания тех действий, которые крестьяне применяют для привлечения потребителей услуг и этих самых «продуктов» и для развития своего

бизнеса. Оздоровление – это результат улучшения физического и психического здоровья. На мой взгляд, для стратегии, заключенной в этих действиях, больше подошли бы обозначения вроде «ориентация на домашнее производство», «привлечение природных ресурсов» или «декларация экологичности». Так же и для адекватного объяснения смысла немецкого понятия *Gemütlichkeit* и его реализации в стратегиях крестьянской туристической индустрии уместнее были бы определения вроде «апеллирование к национальным стереотипам и ценностям», «инсценирование атмосферы дома/ домашнего уюта».

При чтении соответствующего раздела автореферата возникает впечатление, что у автора нет четкой договоренности с собой, что считать стратегиями, классификация их не выдержана: «Стратегии условно можно разделить на коммерческие (реклама), а также надстратегии ... из которых затем вытекают прямые стратегии (оздоровление, приобщение детей к природе, специализация, поддержание уютной атмосферы – „*Gemütlichkeit*“ («Гемютлихкайт») и т.д.)» (Автореф. Стр.22).

Еще одно существенное замечание к этому разделу диссертации касается выборки информантов: опросами и интервью оказались охвачены только фермеры, хозяева усадеб-отелей, в то время как гости, на которых направлены описываемые стратегии, потребители услуг фермеров, остались за рамками исследования. Это создает асимметрию в исследовании и его результатах.

Спорным видится мне и положение, высказанное на стр. 81-82: «Повседневность для одних становится экзотикой для других», которое Екатерина Викторовна привязывает к стратегии экзотизации повседневности. Ввиду описанных диссертантом процессов переориентации сельского хозяйства, превращения его в средство дополнительного заработка (*Nebenerwerbstätigkeit*) для самих крестьян традиционная когда-то крестьянская повседневность перестает быть повседневностью («некоторые элементы фермерской культуры оживают только на публике» стр. 96). Крестьяне сами воскрешают ее в связи с оказанием определенных услуг туристам. Обстоятельство, что крестьяне в акте включения, посвящения горожан в повседневность и окружение сельских жителей-горцев перестают быть собственно «производящим классом», и выполняют функции проводников, экскурсоводов, инструкторов итд, меняет эту повседневность и ситуацию ее исследования. В данном случае, как мне кажется, речь может идти об определенных играх профессионала с клиентами, в частности, инсценировках традиционного быта и повседневности, игре в гостеприимство, игре в неформализованную коммуникацию (дистанцированное «вы» vs. интимное «ты»). Феномен профессиональных игр, когда оказывающие услуги работники действуют согласно определенным сценариям вплоть до

интерактивного подчинения себя гостям ради их психологического и физического удовлетворения, хорошо описан в статье американского социолога Рэйчел Шерман (Шерман Р. Игры в отелях класса люкс: автономия, идентичность, согласие // Этнографическое обозрение. № 5, 2008). Помимо упомянутой Е.В. Холлер трансляции крестьянской групповой и региональной идентичности через родителей и инициативные круги, именно такие игры предоставляют исследуемым крестьянам ресурсы для конструирования автономной и независимой личности. Эти игры, кстати, также составляют одну из стратегий (стратегия коммуникации с клиентами, привлечения клиентов итд).

В этой же главе, анализируя причины обращения европейских туристов к региональной экзотике, Е.В. Холлер вслед за Шарпли приходит к выводу, что они заложены в оппозициях город/цивилизация – село/природа с присущими им характеристиками и смысловыми рядами: суэта, однообразие, серость, духота, общество потребления в городах vs. индивидуальность, аутентичность и др. в селе (стр. 78). С вытекающим из этого положением утверждением диссертанта, согласно которому «горожане все больше и больше стали проводить отпуска и каникулы в горах, на природе» (стр. 78) можно также поспорить. Описываемая ситуация, так же, как и работы Конрада Кестлина, Йоханнеса Мозера и Херманна Баузингера, посвященные этим общественным тенденциям, относились к 60-90-м годам XX столетия и уже не абсолютно соответствует действительности. Исследования по городской антропологии, а также полевые наблюдения последних лет показали, что сегодня города, закат которых пророчили в 1970-х, вновь востребованы, потому что города – это культура, досуг, креативная среда, многообразие и свобода (ср. Florida R. The Rise of the Creative Class, 2003). Мне видится, что выбор места проведения отпуска «в горах, на природе» - не тенденция («все больше и больше»), а вопрос стиля жизни, в котором заложены такие предпосылки как уровень достатка, возраст, социальное положение. Помимо этого, пример Берлина, скажем, показывает возможность экологизации и культурализации городов (в том числе через экзотизацию регионального, экзотизацию истории итд), благодаря чему креативные города могут конкурировать с рекреационными районами и ничуть не хуже предоставлять «культурную почву под ногами» (стр. 77).

В заключительных разделах Второй главы «Выход на мировой рынок...» и «Итоги» диссертант возвращается к рассуждениям об аутентичности изучаемой крестьянской культуры Австрии, начатым во Введении, и делает вывод об относительности этого понятия. Дважды декларировав релевантность отношения к крестьянской культуре ее носителей и потребителей, ее восприятия обеими сторонами, а не степени аутентичности

этой культуры («Поэтому не стоит выяснять, что является традицией и аутентичностью в крестьянской среде, а нужно стараться понять, «кому и зачем нужна традиция и аутентичность» стр. 7; «Поэтому не нужно выяснять степень аутентичности и оригинальности тех или иных культурных элементов» стр. 96), автор все же включает в текст диссертации свое рассуждение о (имевшем место в прошлом) наличии некоей «истинной крестьянской культуры» в противоположность искусственной: «Но зерно всегда останется неизменно – это крестьянская культура, лежащая в основе агротуризма – это консервация в чистом виде, точка отсчета, компактная культура», «исчезновение исконной крестьянской культуры» (стр.95 -96, 97). В этом усматривается некоторое противоречие автора самой себе.

Представляется также некорректным тезис о том, что ученые «стремятся отделить истинную крестьянскую культуру от искусственной дани моде, исследуя фольклор как вневременную статичную субстанцию. В этом туристы и антропологи схожи, они все ищут «настоящую» культуру, пытаясь отделить зерна от плевел...» (стр. 77). Наоборот, предметом фольклористических и антропологических изучений является культура «здесь и сейчас», в ее изменениях, наслоениях, противоречиях, связях и влияниях в том числе моды, а «вневременную статичную субстанцию» фиксируют в виде сувениров для туристической индустрии.

Последняя, Третья глава диссертационного сочинения «Новая традиционная культура австрийского крестьянства» посвящена описанию современной материальной культуры и нематериального наследия исследуемой группы. В тексте на материалах полевых наблюдений еще раз ярко проиллюстрированы примеры проявления феномена фольклоризма в материальной культуре и зрелищных мероприятиях (стр. 98, 101-102). Рассуждая о степени традиционности крестьянской культуры сегодняшней Австрии Е.В. Холлер делает попытку сопоставления традиций и инноваций в повседневности изучаемой группы и приходит к выводу о глубокой укорененности традиций и ритуализованных форм поведения в культуре австрийского крестьянства и одновременно об их адаптации к современным условиям и вызовам времени. Все это не вызывает сомнений. Несомненная ценность Второй и Третьей глав диссертации заключается также в их источниковой базе: они написаны исключительно на оригинальных полевых материалах с привлечением материалов современной публицистики и информационных изданий.

Если говорить о замечаниях, то ряд их касается оформления всего текста диссертации: использования курсива, транскрипций, транслитераций. Так, не понятен

принцип подачи в тексте обсуждаемых понятий и названий организаций на немецком языке „Nebenerwerbsbauer“ («небенеравербсбауэр») „Österreichische Volkskunde“, («Ёстерайхише фолькскундэ»), „Landjugend“ («Ландюгэнд»). Они даны зачем-то с транскрипцией, но без перевода, хотя как раз важен смысл названия и его звучание/написание в языке оригинала, тогда как аббревиатуры AMA, IFOAM, ORA и ÖPUL (стр. 11, 57), не известные русскоязычному читателю, не расшифровываются, а подаются сразу в переводе. Не исправлены орфографические ошибки, на которые было указано в рецензии к статье (стр. 61 Kreuter (надо: Kräuter) и стр. 84 Strassen (надо: Straßen). Страдает и русский язык, в частности, стиль изложения научного текста, обилие разговорно-бытовых выражений, например, «если хотите», «да и нужно ли?» (стр. 97). Текст не вычитан, есть опечатки и нарушения предложно-падежных согласований.

В конце диссертационного текста приведен необходимый раздел «Заключение», в котором автор еще раз четко формулирует основные положения и выводы, вытекающие из анализа материала. Таким образом, перед нами новаторское, всестороннее и добросовестное исследование культуры, социально-экономического положения и инновационных стратегий современного крестьянства Австрии. Автореферат и публикации в полной мере отражают содержание диссертации и ее основные положения. Считаю, что представленная диссертация Екатерины Викторовны Холлер, несмотря на высказанные замечания и критику, соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология.

5 ноября 2014 года

старший научный сотрудник МАЭ (Кунсткамера) РАН
кандидат исторических наук

Юлия Бучатская

